

П. С. Лемещенко
Белорусский государственный университет, г. Минск

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Мировой кризис текущего столетия объединил все страны своими масштабностью и острием проблем, последствия которых еще, правда, никто серьезно не осознал и выводов не сделал. Но по сути *все страны стали переходными* от кризисных проявлений к новой фазе цикла, цикла... институционального. И та страна выйдет на эту траекторию развития первой, которая преодолеет инертность и рутину нынешнего хозяйственного мышления мышления, т.е. главную *институцию* человеческого поведения, и перейдет на новый уровень *теоретического освоения* и практического применения более эффективных политico-экономических форм *применительно* к уже произошедшему и планируемым изменениям. Но парадокс в том, что так называемые развитые страны уже не могут быть образцом для подражания новым реформируемым государствам, поскольку именно эти страны и породили по существу своими политико-экономическими стратегиями еще и *кризис веры* в рынок, его философию и его базовые институты. Собственно, мировой кризис прогнозировался двадцатью годами раньше (Фукуяма, Сорос, Нэсбит, Тоффлер и др.), но, однако, именно кризис социалистического сообщества ослабил его в целом и, соответственно, страны, не знающие правил рыночной игры, чем и продлил за свой счет существование капиталистического хозяйства. Статистика с очевидностью подтверждает кто выиграл, а кто проиграл в процессе известных трансформаций.

Таким образом, принципиальное проявление мирового кризиса – это, прежде всего, *кризис институциональной системы* мир-экономики с ее идеологией, институтом собственности, денежной единицей и соответствующими структурами, принципами ценообразования на стратегические ресурсы и продукты, формами и правилами доминирующей конкуренции политico-экономических игроков за распределение глобальной ренты и совокупных трансакционных издержек. Существенным изменениям будут подвержены и силы влияния, т.е. *мировой политический рынок* по формированию нового «глобального порядка». Поэтому и *понимание причин происходящего, и принимаемые меры по намечаемым изменениям, и осознание своего места в мировых политico-экономических процессах, и прогноз*

будущего зависит в первую очередь от того, каким багажом знаний мы располагаем об институтах, их структуре, политэкономии институтов и их эволюции, практическом освоении и умении, как на мировом, так и национальных уровнях управлять институциональным строительством и соответствующими изменениями. Уже сегодня мировой рынок устроен далеко не по-рыночным принципам 18 века, поскольку *глобальная рента и другие доходы* присваиваются в приватном порядке основными игроками, что соответствует духу *капитализма*. Однако совокупные трансакционные издержки по функционированию и обслуживанию современного рыночного порядка национализируются (читай – социализм) и распределяются через целую систему контрактных соглашений между вторым уровнем стран, которые не принимают активного участия в выработке международных институтов и соответствующего порядка. Итог – рост даже не бедности, а углубление нищеты, международный *тектонастический разлом* между целями экономическими, нормами нравственности, принципами справедливости, организационными формами и сопутствующий рост терроризма, социальной и военной напряженности. Текущий глобальный кризис с очевидностью, но *насильственно остро отрицает* очередные международные формы капитала – транснациональные корпорации и банки, региональные военные, политические, экономические и социальные союзы. Глобальная экономика видоизменила источники и вид прибавочной стоимости, которая прибрела форму глобальной ренты как доминирующий вид дохода, а в качестве механизмов избрала институциональную инициативу активных участников формирования международного политico-экономического порядка или, иначе говоря, институционально-социальные инновации. И если не понимать *закономерностей этих изменений*, не принимать в том или ином виде участия в выработке *реальных структурных формирований*, организаций, инициатив, то остается участь существования на периферийном уровне мирового хозяйства.

Итак, *институциональное планирование* – это сознательное формирование таких норм, правил, порядков, которые, отражая закономерности современных тенденций, позволяют оптимизировать отношения и интересы различных социальных групп и классов, достигая компромисса интересов, как на международном уровне, так и на уровне национально-государственного устройства. Сегодня через рентные отношения распределяется более половины мирового ВВП. Его создателями и

потребителями являются члены группы семерки и двадцатки. Их институциональный капитал позволяет этим странам, используя интеллектуальное преимущество в этом направлении, не занимаясь производительной деятельностью извлекать ренту. К сожалению, мы располагаем в силу определенных исторических и теоретических традиций только жесткими формами управления, а именно административно-юридическими.

Как и во всем мире у нас в республике юридические законы и нормы узурпировали законы экономические. К тому же мы до сих пор не разработали более или менее вразумительных научных критериев адекватности правовых норм экономическим законам и тенденциям, формам и механизмам реализации последних. Их принятое количество до сих пор считается критерием эффективной деятельностью законодательной власти, а управляемость экономики признаком эффективности власти исполнительной. Но если это так, то почему же такое огромное количество «европейского образца» законов» работает» (или «не работает») на такой весьма скромный конечный результат, а проблема коррупции и бюрократии приобрела масштабы, граничащие с национальной безопасностью?

Таким образом, на теоретическом уровне институциональное планирование решает важнейшую на сегодняшний день задачу выработки *стратегии и форм социально-экономического развития* с учетом всех факторов и условий. Институциональное планирование, как инструмент исследования, так и национального управления может использовать *институциональную матрицу*. Институциональная матрица представляет собой устойчивую систему однозначно взаимоувязанных системообразующих, экономических, политических и пр. институтов. Главная проблема в формировании такой матрицы заключается в разработке и создании такой институциональной структуры, которая бы отражала *действительную реальность* той или иной страны. Основная диагональ матрицы отражает состояние *институционального равновесия*. Однако в переходный период существует противоречие «старых» и «новых» институтов, которое выражается в явной и неявной формах. Сопоставление же «старых» и «новых» институтов, представленных матрицей, позволяет формировать правильную стратегию проектирования институтов, с учетом эффектов их разрушения и создания. Структура новых институтов не обязательно должна совпадать со старой. Такая матрица

упреждает типичную ошибку импорта институтов, неадекватных для страны. Данная ошибка проявляется в росте трансакционных издержек, что создает дополнительные трудности для осуществления реформ. В нашей республике (РБ) и других подобного рода транзитивных экономиках затраты на создание новых институтов пока превышают их полезный эффект. Более того, эти новые формальные институты часто обособляются и реализуют свой интерес через изъятие институциональной ренты. Институциональное планирование должно стать прерогативой не только государства, но и *адекватных общественных органов*, чтобы исключить присвоение институциональной ренты частными лицами, группами. Последнюю можно проиллюстрировать примером из истории, когда кто-то лоббировал установление арки, которая давала за определенную плату исключительное право на въезд в город. Лицензирование и разного рода сборы являются из этой же серии. К сожалению, государство и его служители мало чем отличаются в поведении от обычных граждан с эгоистическим мышлением. Но если последние могут увеличить свой доход за счет оказания дополнительных услуг, то государственные чиновники увеличивают «свои» доходы за счет создания новых организационных структур, инструкций, форм, правил и пр. Финансируются же такие нововведения из госбюджета, внебюджетных фондов и лицензионно-сборовых платежей. Для переходного периода характерно резко увеличивающиеся расходы содержания формальных институтов и возникновения людей, присваивающих трансформационную ренту.

Принципиальное *отличие институционального планирования* от директивного, следовательно, заключается в том, что *планируются не показатели и хозяйственно-организационные действия конкретных фирм и предприятий*, других хозяйствующих субъектов, а те рамки, нормы и правила, регламентирующие деятельность экономических агентов, институциональное равновесие. Например, участник дорожного движения самостоятельно выбирает маршрут, скорость и пр. Но он должен руководствоваться установленными правилами, хотя и может их нарушать, понимая последствия таких своих действий. Любопытно то, что создатели правил, участники «движения», контролеры не в равной степени, однако извлекают индивидуальную и общественную выгоду от такого положения дел. Срабатывает синергетический эффект от всеми принимаемой и контролируемой сознательной кооперативной деятельности.

Лемещенко Петр Сергеевич,
заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики,
докт. экон. наук, профессор;
(220030, комн. 203, 410, кафедра теор. и инстит. экономики, эконом. факультет, Белорусский государственный
университет, ул. К. Маркса, д. 31, г. Минск, Республика Беларусь;
тел.: сл. (8 10 375 017) 222 35 93, 222 36 01;
адрес дом.: 220100, д. 78, кв. 493, ул. М. Богдановича, Минск,
т/факс 331 96 64; e-mail: - lemeshchenko@bcse.by; liamp@bsu.by; кафедры - caftiec@bsu.by)

Опубликовано: Лемещенко П.С. Институциональное планирование как основная форма
государственного управления современной экономикой // Мат. межд. научно-прак. конф.
«Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов
хозяйствования». - Ак. упр. при Президенте РБ, 23-24 апреля 2009 г. – Минск, 2009. В 2 ч.-379 с. – С.
48-51 (0.2 п.л.).